

На правах рукописи

ДАНИЛЕНКО Ольга Васильевна

**Социальная обусловленность диверсификации политического дискурса
(на материале программ политических партий)**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2012

Работа выполнена в Научно-исследовательском центре по национально-языковым отношениям Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института языкознания Российской академии наук.

Научный руководитель:

доктор филологических наук, профессор

Крючкова Татьяна Борисовна

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник, заведующий отделом
экспериментальных исследований речи ФГБУН

Институт языкознания Российской академии наук **Сигал Кирилл Яковлевич**

доктор филологических наук,
профессор кафедры английского языка № 5 ФГБОУ ВПО
«Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России»

Пономаренко Евгения Витальевна

Ведущая организация:

Российский университет дружбы народов

Защита состоится «__» мая 2012 г. в __ часов на заседании Диссертационного совета Д 002.006.03 при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институт языкознания РАН по адресу: 125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, с. 1, тел. (495) 690-35-85.

Автореферат размещен на сайте _____

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института языкознания РАН.

Автореферат разослан «__» апреля 2012 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат филологических наук

Сидельцев А.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена описанию процесса диверсификации политического дискурса, обусловленного изменениями в социально-политической и социолингвистической ситуации на постсоветском пространстве. Коренные изменения в социально-политической сфере, произошедшие после распада СССР, привели к глубинным преобразованиям в общественном сознании, которые, в свою очередь, отразились практически во всех функционально развитых языках, представленных на постсоветском пространстве. Анализ языка, обслуживающего общество в момент смены идеологической ориентации, позволяет особенно отчетливо увидеть особенности его развития, обусловленные не только лингвистическими, но и экстралингвистическими факторами. Стоит отметить, что типичный для любого политически структурированного общества политический дискурс не является универсальным по форме и сути, его реализация определяется концептуальной и языковой «картиной мира», которая исторически сложилась в конкретном обществе [Воркачев 2001; Серебренников 1988; Яковлева 1996]. Очевидно, что и в одном и том же обществе на разных этапах его исторического развития происходит модификация политического дискурса, степень интенсивности которой зависит от целого комплекса факторов. Это определяет необходимость лингвистических исследований, посвященных проблемам исторических и национальных особенностей политдискурса.

Актуальность настоящего исследования обусловлена как социальными, так и лингвистическими моментами. Первые определяются местом и ролью политической коммуникации в современном обществе. Вторые – непреходящей важностью проблемы взаимоотношения языковых и социальных факторов.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем определены прототипические характеристики политической программы как особого типа текста и впервые исследованы процессы ее диверсификации, которые происходят под влиянием изменения политической и социолингвистической ситуации.

Программа политической партии является одним из основных документов в политическом дискурсе. Официальных партийных документов несколько, однако, именно программа является обязательным институциональным документом. Несмотря на то, что программный документ восходит к традиции строгой

кодификации, то есть к социокультурной традиции жестко регламентированного политического дискурса, в котором главным моментом является декларативное изложение положений, целей и задач партии, документ кардинально изменился в структуре и языковой форме выражения.

Объектом исследования данной работы являются особенности программного дискурса как одного из важнейших элементов политической коммуникации.

Предмет исследования данной работы – процесс диверсификации программного дискурса в его взаимосвязи с экстралингвистическими факторами.

Материал исследования составляет текстовый корпус, в который входят: 3-я программа КПСС, все программные тексты украинских политических партий, представленные в период выборов 1994–2007 гг., а также некоторые программы российских политических партий, представленные во время предвыборной кампании 2007 г. Всего было проанализировано 140 текстов предвыборных партийных программ, что составляет более 31 п. л. Материал был получен из интернет-источников: <http://www.cvk.gov.ua>, <http://www.nbu.gov.ua>, <http://publ.lib.ru>, а также с официальных сайтов российских политических партий.

Целью работы является изучение процесса диверсификации политдискурса как в общетеоретическом, так и в прикладном аспекте. Анализ процесса диверсификации осуществляется с учетом изменений в экстралингвистической ситуации на примере базы текстов программных документов политических партий СССР, России и Украины в их увязке с конкретной социолингвистической ситуацией.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи**:

- рассмотреть особенности взаимодействия социума и языка; определить характер изменений в современном политическом дискурсе, вызванных влиянием лингвистических и экстралингвистических факторов;
- определить основные параметры программных документов, характерные для разных типов общественно-политического дискурса и языковой практики;
- исследовать феномен диверсификации политдискурса как отражение изменений политической ситуации, выявить социолингвистические параметры, основные направления и результаты диверсификации;
- определить основные параметры программных документов, характерные для разных типов общественно-политического дискурса и языковой практики;

- провести социолингвистический анализ диверсификационных процессов политдискурса на материале текстов программ политических партий в период парламентских выборов на Украине с 1994 по 2007 г.

Теоретической основой исследования послужили работы:

- в области социолингвистики: Вахтина Н.Б., Дешериева Ю.Д., Китайгородской М.В., Крысина Л.П., Крючковой Т.Б., Никольского Л.Б., Розановой Н.Н., Швейцера А.Д. и др.;

- в области изучения политического дискурса: Баранова А.А., Водак Р., Демьянкова В.З., Иссерс О.С., Карасика В.И., Кочкина М.Ю., Логиновой Г.Ю., Почепцова Г.Г., Солоповой О.А., Чудинова А.П., Шейгал Е. И. и др.;

- в области лингвистики текста и стилистики: Граудиной Л.К., Кафтанджиева К., Столяровой И.Н., Ширяева Е.Н., Якимовича Ю.К. и др.;

- в области политологии: Кынева А.А., Волчана О.Ф., Рябики В.Л.;

- в области социологии: Алмонда Г., Даля Р., Лейпхарта А., Липсета С. и др.

Теоретическая значимость данной работы определяется ее вкладом в разработку проблем развития политдискурса на основе анализа процесса диверсификации, обусловленного адаптацией программного документа к изменяющимся экстралингвистическим факторам, что позволяет ярко продемонстрировать взаимосвязь между языковыми и социальными явлениями.

В соответствии с целями и задачами исследования в работе были использованы следующие **методы**: установление корреляций между языковыми и социальными явлениями, описательно-аналитический, интерпретационный метод, метод дискурс-анализа, элементы контент-анализа, лексико-семантический и стилистический анализ фрагментов текста.

Практическая значимость работы заключается в том, что основные выводы и материалы могут быть использованы в курсах социолингвистики, лингвистики текста, теории коммуникации. Кроме того, результаты исследования могут применяться для повышения эффективности политической коммуникации в целом и для оптимизации предвыборной политической коммуникации в частности.

Цель и задачи исследования предопределили **структуру** работы, включающую в себя введение, три главы, заключение, библиографию, содержащую более 200 наименований на русском, украинском и английском языках, и приложение.

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, формулируются его цели, задачи, определяется объект и предмет изучения, излагаются методы, используемые в работе, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Социолингвистические аспекты изучения языка политики» определяются социолингвистические основы исследования, рассматриваются основные направления лингвистического анализа политдискурса, выявляется связь между дискурсивными изменениями и социолингвистическими параметрами политической коммуникации. Также в первой главе рассматривается программа политической партии как тип текста, обладающий особыми прототипическими характеристиками.

Вторая глава «Механизмы диверсификации текста партийной программы (на материале программ украинских политических партий)» включает в себя анализ украинских программных текстов с точки зрения процессов диверсификации в свете изменения социолингвистической и социально-политической ситуации.

Третья глава «Модели концептуализации в рамках диверсификационной структуры программных документов» посвящена анализу ключевых концептов советского, российского и украинского программных дискурсов, актуализирующихся в наборе метафор, специфичных для каждого из этих дискурсов в разные временные периоды.

В **заключении** обобщаются основные результаты исследования и формируются наиболее значимые выводы. **Приложение** содержит образцы предвыборных программ политических партий, имеющих особую структурно-семантическую организацию, а также таблицы, демонстрирующие особенности лексической организации и метафорической системы программных документов.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В результате изменения общественно-политической ситуации и модификации социолингвистических параметров политической коммуникации происходит диверсификация политического дискурса. При условии кардинальной смены идеологического строя процесс затрагивает даже наиболее жесткие жанры политического дискурса, такие как программы политических партий.
2. Программный документ политических партий, функционирующий в рамках многопартийного политического дискурса, в корне отличается от документа

партии, функционирующего в рамках однопартийного политического дискурса.

3. Интенсивность диверсификационных процессов в программном документе с точки зрения его жанрово-тематической, концептуальной, структурной и функционально-стилистической организации прямо пропорциональна интенсивности и степени радикальности социальных изменений в государстве. При сохранении общей структуры кодифицирующего декларативного документа в странах с высоким уровнем политического плюрализма, находящихся на этапе формирования государственности, происходит активный процесс модификации прототипического программного документа. В странах, характеризующихся стабильностью политических процессов, программный документ тяготеет к классической риторической традиции.
4. Процессы диверсификации программного документа наглядно прослеживаются в период парламентских выборов на Украине в 1994–2007 гг., что является очевидным отражением многократного и быстрого изменения политической ситуации. При сохранении общей структуры кодифицирующего документа в программах политических партий Украины используются такие сложные структуры текстовой организации, обычно не характерные для данного типа текста, как гипертекст, а также другие жанровые вкрапления и жанровые девиации. Вектор развития программного документа очевидно направлен в сторону агитационных жанров.
5. Под действием экстралингвистических факторов изменяются структура и наполнение ключевых концептов политических программ, а также характер их функционирования в рамках метафорической системы, специфичной для советского и постсоветского периодов.

Апробация материалов диссертации осуществлялась в докладах на заседаниях Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям ИЯз РАН (2009–2012 гг.), на ежегодных научных конференциях «Язык и мир» (2009–2011 гг.), V международной конференции «Язык, культура, общество», научной конференции «Язык и общество в современной России и других странах». По теме диссертационного исследования опубликовано 11 работ, три из которых в журналах ВАК.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «Социолингвистические аспекты изучения языка политики» приведен обзор наиболее значимых отечественных и зарубежных научных трудов, рассматривающих взаимодействие языка и общества. Здесь же анализируется влияние социума на характер и функционирование политического дискурса, обозначены основные изменения социолингвистических параметров политической коммуникации, заданные экстралингвистическими факторами в 90-х гг. XX века. В главе описаны основные прототипические характеристики программного документа политической партии и особенности его эволюции. Также в главе уточнено понятие *диверсификации политического дискурса*. Под *диверсификацией политического дискурса* мы понимаем процесс *изменения типа текста* программного документа, обусловленный изменением политической ситуации и новыми коммуникативными задачами, появление *нового/иного* текста, отличного от предыдущего по всем трем аспектам используемой текстовой модели: пропозициональному (содержательному), иллокутивному (интенциональному) и локутивному (лингвистическому), в рамках *сохранения традиционно существующего жанра*.

Являясь центральным звеном политической коммуникации, политический дискурс наиболее явно реагирует на изменение общественно-политической ситуации. В периоды активных социальных преобразований, предполагающих смену идеологии, в обществе происходит изменение собственно характера дискурса, его конструкции, содержания, дискурсивной практики. Особенности изменений обусловлены комплексом макросоциальных факторов, главным из которых является политика, проявляющихся в социолингвистических параметрах политической коммуникации. В результате исследования типологических характеристик программного документа и его прототипической структуры было установлено, что программа политической партии является особым типом текста, функционирующим в рамках политдискурса, и обладает набором следующих характеристик:

1) семиотическая модель программы являет собой семиотическую *систему кодификации* определенной концептуальной практики. Ее ядро – это определение социальной ситуации на групповом уровне (партийной группировкой или ее

лидерами), которое формирует нормативное представление о законах, ценностях и закрепляется в определенной жанрово-дискурсивной форме. Кодифицирующая схема программного документа – это структура жесткой категоризации и концептуализации. Она выстраивается на основе концептуального ряда, элементы которого были заданы определенной схемой классификационных связей (традиционно гипо-гиперонимических, партитивных и симилятивных). Именно данная структура позволяет реально осуществить процесс кодификации, который часто усиливается многочисленными и разнообразными по своему характеру повторами;

2) в отличие от правовых кодификаций политическая программа имеет **форму предписывающей нормы**, она функционирует в качестве **нежесткого регулятива** и является, по сути, коллективной **локальной нормой**, действующей для ограниченного социального круга (членов партии и ее избирателей);

3) канонический программный документ характеризуется определенной последовательностью содержательно-смысловых блоков и способом подачи информации, единообразием фреймовой структуры, подразумевающей жесткую структуру организации текста: **аналитическая часть, промиссив** и **директивная часть**. **Аналитическая часть** программы, жестко структурированная и представленная в разделах, подразделах, пунктах, тематических блоках, является строго концептуальной. Она нацелена на четкую экспликацию определенного концептуального поля. При этом формальное структурное членение основной части программного документа осуществляется при помощи пространственной и графической делимитации, рубрикации различных видов, в качестве которой могут выступать простые рубрики и подзаголовки, осложненные, заданные цифровой нумерацией разного типа, буквенными, а также графически выделенными списками.

Постановка цели и задач в программном документе (целевая часть) представлена в форме **комиссива**, то есть принятия на себя обязательств в осуществлении определенного типа деятельности. При этом, принимая на себя обязательства, партия следует определенным принципам в совместных усилиях по достижению общей цели, реализуя комплекс задач на основе заявленной доктрины. **Директивная часть** содержит прескрипцию, то есть своего рода руководство, указания по мерам выполнения поставленных задач и реализации цели;

4) *проспективность* текста политической программы, то есть нацеленность в будущее, прогнозирование определенного развития социальной ситуации, является дополнительным свойством, сопутствующим практически всем ее конструктивным построениям: аналитике, комиссивной и директивной частям.

Во второй главе **«Механизмы диверсификации текста партийной программы (на материале программ украинских политических партий)»** процесс диверсификации программного документа описан с точки зрения динамики изменений социополитической и социолингвистической ситуации, специфичной для одной из постсоветских стран, характеризующейся активными процессами в области государственного и партийного строительства, – Украины, проанализированы модификации конструктивной модели программного документа и особенности его тематической организации.

В отличие от советского периода политический дискурс и его программный субдискурс становятся национально специфичными, особенности их функционирования и развития заданы рядом экстралингвистических факторов. Высокий уровень политической фрагментации, характерный для всех четырех предвыборных парламентских кампаний на Украине (1994–2007 гг.), и революционная природа процессов в области государственного и партийного строительства определили такие особенности украинского программного документа, как декларативность, противоречивость, дефицит содержательной целостности, ориентация на определенный электорат, политико-географическая вариативность.

Активность и масштаб процесса диверсификации также обусловлены группой факторов актуальной социолингвистической ситуации (динамикой и подвижностью функциональных стилей языка, жанровых форм, демонстрирующих интенсивное изменение и развитие как результат «сильной» языковой политики двух последних десятилетий). Большое значение имеет также учет фактора адресата, целевой аудитории, в ожидания которой входит установка на новизну, стилистическое и конструктивное разнообразие.

Становление национальной государственности Украины сопровождалось развитием официально-делового стиля украинского языка. Активное языковое строительство привело в настоящее время к тому, что старые стилистические нормы утратили свою кодифицированность, а новые еще окончательно не сложились. Такая

ситуация, в свою очередь, создала благоприятные условия для процесса диверсификации политических текстов, реализованного, прежде всего, в отклонениях от прототипической текстовой структуры и стилистической нормы даже в жанре жестко кодифицированных документов.

Анализ программных документов политических партий Украины выявляет активные диверсификационные процессы структуры текста. При сохранении общей структуры кодифицирующего документа в украинских программах используются более сложные модели текстовой организации. Происходят определенные модификации конструктивной модели программного документа – изменение соотношения частей, усечение аналитической части, изменение композиционного построения текста документа. Следует отметить, что одной из главных структурно-композиционных особенностей программ украинских политических партий является интенсивное употребление слоганов и эхо-фраз. Как правило, в украинских программных текстах наблюдается прямая взаимосвязь между названием партии и слоганом, расположенным в начале текста, или эхо-фразой, завершающей текст. Чаще всего название партии отображено в слогане или эхо-фразе напрямую или обыгрывается каким-либо образом. Простейшим приемом является установление логической корреляции между партией-референтом и позитивными изменениями, ожидающими страну в будущем, посредством повторения существительного, составляющего или содержащегося в ее названии, в слогане или эхо-фразе. В 1998 г. партия «Нова генерація України», состоящая в основном из молодых политиков, поместила в начале и в конце программы одинаковые слоган и эхо-фразу «*Нова генерація – нове життя*», где понятие *новая генерация* (поколение) может трактоваться двояко: как новое поколение молодых людей вообще и как данная конкретная партия, при выборе которой в стране наступит новая жизнь. В качестве аналогичных примеров можно привести название блока партий «*Партія праці та Ліберальна партія – разом!*» ‘Партия труда и Либеральная партия – вместе!’ и их программный слоган: «*Через працю для себе – до добробуту всіх!*» ‘Трудясь для себя, создаем общее благополучие!’, избирательного блока «*Проти всіх*» ‘Против всех’, выдвинувшего эхо-фразу «*Голосуй ПРОТИ ВСІХ, або програєш!*», несущую явную пресуппозицию *голосуй за блок «Проти всіх», или проиграешь*. Иногда, как было указано выше, эту структуру поддерживают заголовки – пункты программы. Такая

организация текста способствует когезии и когерентности текста и максимально облегчает восприятие и запоминание программного документа. Наблюдается последовательная эволюция избирательной программы от собственно политического дискурса к рекламному, современные тексты украинских партий являют собой скорее образцы политической рекламы и выполняют теперь уже не только и не столько когнитивную и информативную, сколько персуазивную и инспиративную функции. Примерами максимального отклонения в структурно-семантической организации программы являются программа-стихотворение; программа-листовка; программа – договор между партией и избирателем; программа, стилизованная под избирательный бюллетень; программа, выполненная в виде ответов на риторические вопросы, и др.

Приведенная ниже таблица демонстрирует общие данные, касающиеся структурно-композиционных особенностей украинских программных документов.

Структурно-композиционные особенности программных документов

Предвыборная кампания, годы	Общее кол-во программ	Собственное название программы (заголовок), %	Наличие слогана, %	Наличие эхо-фразы, %	Кол-во текстов, имеющих яркие композиционные особенности, %
1998	30	6,6	50	53	13
2002	33	6	60,6	66,6	27
2006	45	20	46,6	49	22
2007	20	10	35	50	20

Рассмотрение особенностей тематической организации текста также выявляет яркие признаки процесса диверсификации. Возрастание роли адресата в современной предвыборной коммуникации привело к ориентированию программ на более узкую категорию населения, конкретного избирателя. Вследствие этого в предвыборных программах наряду с инвариантными появилось два вида вариативных информационно-тематических блоков, ориентированных на интересы конкретной группы электората в определенный отрезок времени. Как правило, тут существует два вектора: 1) направленность на интересы какой-либо крупной социальной страты, имеющей такие общие признаки, как возраст, пол, профессия или сфера деятельности, и 2) направленность на избирателей, имеющих определенные,

достаточно жесткие идеологические убеждения по какому-либо аспекту функционирования государственной или международной политики. Безусловно, это не означает, что такие объединения ограничивают круг своего электората определенной стратой или категорией людей, скорее наоборот – вводя дополнительные блоки и пункты программы, такая партия как бы подчеркивает некую уникальность, свое отличие от других партий. Например, Партия мусульман Украины, выражающая интересы крымских татар и национальных меньшинств Украины, включает в свою программу блок «равенство», в котором прописывает конкретные шаги, направленные на защиту крымских татар, – принятие закона о статусе крымско-татарского народа на Украине, предоставление гражданства, обеспечение условий функционирования крымско-татарского языка в Крыму наравне с государственным языком. Кроме того, во всех остальных общих пунктах также красной строкой прописываются интересы мусульман Украины, например, возможность следования вере в повседневной жизни, в системе образования, во время службы в вооруженных силах и т.д.

Также мы смогли выделить группу партий, нацеленную на категорию избирателей, объединенных общим видом деятельности, являющимся не профессиональным, а скорее социальным. «Партия реабилитации тяжелобольных Украины» (2002 г.) одним из пунктов вводит назначение пенсии людям, пострадавшим от социальной несправедливости, «Народная партия вкладчиков и социальной защиты» (2002 г.) одной из своих основных задач видит защиту обманутых вкладчиков, возобновление вкладов в сбербанке или их адекватную компенсацию и вводит эти задания в виде отдельных тематических блоков.

Диахронический анализ материала за последние десять лет показывает, что, при сохранении общей структуры кодифицирующего документа, в программах политических партий Украины сейчас активно используются более сложные структуры текстовой организации, такие как интертекст. Как свойство политического дискурса интер-текстуальность проявляется в воспроизводстве определенных идеологем, социокультурных установок, ценностей, норм. Методом общей выборки из 129 украинских программ было отобрано 44 текста, содержащих интертекстуальные включения: в 1998 г. в выборах принимали участие 30 политических партий, 8 из 30 программных текстов содержат интертекстуальные

включения различных видов, что составляет 26,6 % от общего количества текстов; в 2002 г. этот показатель составил 24 % (8 текстов из 33); в 2006 г. – 44 % (20 текстов из 44) и в 2007 г. – 40 % (8 текстов из 20).

В ходе анализа нами были отмечены некоторые тенденции, являющиеся общими для программ во всех четырех кампаниях.

Во-первых, представляют интерес паратекстуальные отношения: сами названия некоторых партий являются акронимами, вызывающими определенные ассоциации у носителей данной культуры. «Блок Демократических партий НЭП» – НЭП расшифровывается в круглых скобках как ‘Народовластие, Экономика, Порядок’, блок «ЗУБР» – ‘За Украину Белоруссию, Россию’, блок политических партий «КУЧМА» ‘Конституция – Украина – Честь – Мир – Антифашизм’. Многие программы также имели отдельные названия, некоторые из них являются культурно-историческими аллюзиями: *Маніфест Справедливості*, *Сонячна революція*, *Третій гетьманат*, *Чумацький шлях* ‘Млечный Путь’. Иногда партии сами комментируют такое название в тексте программы, эксплицируя значение аллюзии и ее связь с политическим курсом, например: *В час, коли інші політики дбають про свої інтереси і зневажають потреби народу, ми пропонуємо детальний план національного відновлення. Наша програма називається «Чумацький шлях» – це зоряне сяйво, яке вказує шлях тим, хто блукає у темряві. Це орієнтир, який допомагав чумакам – першим українським підприємцям, які заробляли гроші завдяки власній завзятості. Ми впевнені – ця програма може стати орієнтиром для правильного шляху реформ та відродження довіри до держави.* ‘В то время, когда другие политики беспокоятся о своих интересах и не обращают внимания на потребности народа, мы предлагаем детальный план обновления. Наша программа называется «Млечный Путь» – это звездное сияние, которое показывает дорогу тем, кто бродит во тьме. Это ориентир, который помогал чумакам – первым украинским предпринимателям, которые зарабатывали деньги благодаря собственному упорству. Мы уверены – эта программа может стать ориентиром для правильного пути реформ и возрождения доверия к государству’ (Программа «Партії Вільних Демократів», 2007 г.).

Возможностью создавать аллюзивные смыслы обладают элементы не только лексического, но и грамматического, словообразовательного, фонетического уровней организации текста; текст может также опираться на систему орфографии и

пунктуации, а кроме того, на выбор графического оформления – шрифтов, способа расположения текста на плоскости.

Во-вторых, следует отметить изменение в типе прецедентного текста, использованного в качестве источника цитации и аллюзии. Состав источников интертекстуальных и мультимедиаальных посылов изменяется вместе со сменой социокультурной и политической ситуации в определенном языковом коллективе. Так, две кампании 1998 и 2002 гг. в качестве источников прецедентных текстов использовали:

- 1) Библию;
- 2) Гимн Украины;
- 3) апелляцию к историческим событиям и упоминание различных социально-политических формаций;
- 4) прецедентные тексты советского политического дискурса.

В двух последующих кампаниях – 2006 и 2007 гг. также встречаются библейские, поэтические, культурологические аллюзии, и в добавление к этому с помощью различных языковых средств обыгрывается феномен оранжевой революции: название одного из программных пунктов Партии регионов звучит как «*РІК МАЙДАНУ – РІК ОБМАНУ*» ‘ГОД МАЙДАНА – ГОД ОБМАНА’, оно усиливается идущей за ним цитатой из Герцена: «*Я бачу надто багато визволителів, я не бачу вільних людей*» ‘Я вижу слишком много освободителей, я не вижу свободных людей’. С помощью еще одной пословицы «*І після поганого врожаю потрібно сіяти*» ‘И после плохого урожая нужно сеять’ (Сенека) осуществляется имплицитная негативно-ироническая оценка деятельности главного политического оппонента, а с помощью приема цитации такая оценка эксплицируется, и ирония приобретает оттенок сарказма: *Всі обіцянки нової влади виявилися оманю. Вони обіцяли: «За кілька місяців ви Україну не впізнаєте», «Ми створимо економічне диво». Україну дійсно не впізнати: нас приголомшили «дивом» розвалу економіки, кинули у вир криз і невтримного зростання цін. ‘Все обещания новой власти оказались обманчивыми. Они обещали: «Через несколько месяцев вы Украину не узнаете», «Мы создадим экономическое чудо». Украину действительно не узнать: нас шокировали «чудом» развала экономики, кинули в омут кризисов и неудержимого роста цен’ (Программа «Партії регіонів», 2006 г.).*

В текстах программ 2007 г. наблюдается такая же картина, лексема «оранжевий» несет огромную идеологическую нагрузку и является уже практически национальным культурно-историческим концептом: *Популізму «помаранчевих» демагогів ми протиставляємо системність реформ, компетентність і результативність нашої команди, активність і довіру співвітчизників.* ‘Популизму «оранжевых» демагогов мы противопоставляем системность реформ, компетентность и результативность нашей команды, активность и доверие соотечественников’ (Программа «Партії регіонів», 2007 г.).

Использование элементов прецедентных текстов формирует концепт, то есть социопсихическое образование, характеризующееся многомерностью и ценностной значимостью. Под влиянием изменений в идеологии нации непрерывно меняется корпус национальных прецедентных текстов, прежние тексты вытесняются, на их место приходят новые. Закрепленность интертекстуальной единицы в социокультурной памяти общества подтверждается ее актуализацией спустя значительный срок после определенных социально-политических событий.

В третьей главе «**Модели концептуализации в рамках диверсификационной структуры программных документов**» представлен анализ ключевых концептов советского, российского и украинского программных дискурсов, актуализирующихся в метафорических системах, специфичных для каждого из периодов.

В плане лексико-семантической организации программа КПСС и украинские программы имеют общие и дифференциальные черты. При наличии общих для обоих дискурсов семантических полей наблюдается существенная разница в степени наполненности поля и в частотности употребления одинаковых единиц. Так, в процессе анализа наиболее частотных существительных мы смогли выделить следующие семантические поля, общие для обоих дискурсов: «*институциональное измерение*», «*общеполитические вопросы*», «*формы государственного устройства*», «*социальная политика*», «*экономика*», «*международные проблемы*». Однако наблюдается существенная разница в степени наполненности поля и в частотности употребления одинаковых единиц. В обоих типах программ наиболее разработанным оказалось поле «*институциональное измерение*». Программа КПСС включает туда такие понятия, как *страна, народ, государство, партия, общество, массы, демократия, идеология, диктатура, власть, буржуазия*. Для Украины в эту группу

входят: *Верховна рада, партия, блок, народ, власть, программа, государство, общество, конституция, контроль, демократия, страна, население, депутат.*

В программе КПСС практически отсутствуют слова, явно относящиеся к полю «экономика». Мы выделили две единицы: *производство, монополия*. Для украинских программ это: *экономика, производство, собственник, бюджет, рынок, продукция, налог, гривна, кредит, счет, производитель, доход*. Поле «социальная политика» хорошо разработано в украинских программах: *защита, реформа, работа, пенсия, безработица, обеспечение, выплаты, зарплата, здоровье, помощь, проблема, благополучие, образование* – и менее в советских. Активны также так называемые неидеологизированные, нейтральные существительные, значение которых определяется контекстом: *жизнь, условия, путь, сила, год, принцип, цель, сфера* и т.д.

Проанализировав списки наиболее частотных лексических единиц, мы смогли выделить референтную рамку, то есть существительные, которые являются самыми частотными ключевыми словами во всех украинских программах на каждом из предвыборных этапов, – *Украина, Держава (государство), народ, влада, программа, люди(на), розвиток, система, нация*. Небольшие вариации в ротации этих ключевых слов и попадание новых слов в рамку очень показательны, так как происходят под активным влиянием социальных факторов. Например, в программном дискурсе 1998 г. слово *пенсия* заняло 10-е место, в то время как в 2002 и 2006 гг. оно заняло 18-е и 20-е места. Такой сдвиг обусловлен, во-первых, изменением в количественном и возрастном составе населения и, во-вторых, изменениями, произошедшими в 2000-х гг. в законодательной базе Украины.

Ключевые слова, входящие в референтную рамку программы КПСС, совпадают с украинскими по четырем позициям: *страна, народ, государство, развитие*. Остальные слова – *социализм, класс, борьба, капитализм, коммунизм, сила* – являются политическими терминами, ключевыми для советского политдискурса. Их место в ротации вполне логично, так как программа кодирует идеологию общественно-политического строя с помощью таких ключевых единиц. Ввиду семантической общности ключевых слов лексические единицы объединены под общими ядерными концептами НАРОД, ГОСУДАРСТВО и ВЛАСТЬ.

Анализ лексической сочетаемости вышеупомянутых ключевых слов и их функционирования в метафорической системе образов показал следующую специфику функционирования ключевых концептов.

Концепт ВЛАСТЬ в украинском программном дискурсе отличается большей разветвленностью структуры и более развернутой системой коннотаций по сравнению с советской программой. В украинском программном дискурсе образ власти весьма негативен, в большинстве контекстов подчеркиваются пассивность, несостоятельность и зависимость как действующей власти, так и власти-предшественницы. В противоположность советской программе, где власть = партия, в украинских программах образ власти является абстрактным и ни одна партия реально не номинирует себя в качестве референта власти. Примечательно, что в отличие от программы КПСС правящая партия – представитель власти – может описывать себя как пациента, пострадавшего в результате воздействия внешних факторов, таким образом снимая с себя ответственность за события, происходящие в стране.

Концепт ВЛАСТЬ активно вступает во взаимодействие с концептом НАРОД в ситуации, когда последний является пациентом (1), адресатом (2) либо бенефициенсом (3).

Интересные различия наблюдаются в семантической роли концепта НАРОД в советских и украинских программах. Так, в программе КПСС НАРОД чаще всего предстает в роли основного субъекта (1) либо коагенса пропозиции (2). Он – лидер, победитель, субъект, облеченный властью наряду с партией:

1. Советскому народу выпала историческая роль зачинателя, пионера в прокладывании нового пути общественного развития. Это потребовало от него особых усилий, непрерывных поисков форм и методов строительства нового общества, проверки их в огне жизни.

2. Идя неизведанными путями, преодолевая трудности и лишения, советский народ под руководством Коммунистической партии претворил в жизнь план строительства социализма, разработанный Лениным.

В украинских программах концепт НАРОД также нередко соотносится с пассивными ролями объектного типа либо с второстепенными субъектными ролями. Однако интересной особенностью является то, что он соотносится теперь с ролью

пациенса, по отношению к которому совершается *негативное действие*, как правило, сопровождаемое глаголом, несущим сему *насилия*:

Український народ пограбований, ошуканий і принижений.

Державні керівники і службовці повинні нести повну відповідальність за пограбування народу і корисливу комерційну діяльність під час перебування на державній службі.

Сравнительный анализ концепта ДЕРЖАВА/ГОСУДАРСТВО показал, что в украинском программном дискурсе он претерпевает следующие изменения:

- концепт ГОСУДАРСТВО также выполняет две активные роли: субъект 1 и субъект 2, однако в обоих случаях субъектом номинации является одно и то же государство – Украина, играющее попеременно позитивную и негативную роли по отношению к концепту НАРОД, соотносимому, как уже было сказано выше, со второстепенными субъектными ролями;

- акцент в образе государства сдвигается в сторону пассивных ролей. Если СССР – государство – провокатор активных действий, государство-флагман, то Украина скорее государство – объект стихийного или преднамеренного негативного воздействия (государство видится в роли пациента либо бенефициенса);

- как правило, в программе КПСС при описании образа государства выстраивается логическая последовательность от худшего – к лучшему, а в украинских программах наоборот – от лучшего к худшему. В этой тенденции мы видим прямую взаимосвязь с экстралингвистическими факторами. Программа КПСС была программой единой партии, существующей в стране несколько десятилетий, для которой было важно подчеркнуть наличие позитивных перемен в государстве как основной результат *своей* собственной стабильной и долгосрочной политической деятельности, а постоянно новообразующимся партиям Украины важно подчеркнуть негативное состояние государства как следствие несостоятельности *политических предшественников-конкурентов*.

Возрастающая вариативность, диверсификация политдискурса, обогащение новыми эффективными средствами экспрессивности и образности объясняется необходимостью создать «противовес» растущему политическому нигилизму и «абсентеизму» электората, определенной психологической усталости восприятия многократно используемых политтехнологий. Хорошей иллюстрацией данного

процесса является тенденция к употреблению образных стилистических средств, в частности *метафоры*, в тексте кодифицирующего документа (программы политической партии), элемента, чуждого структуре документа и, по сути, иностилевого. Тем не менее, употребление метафорических номинаций в украинских программных документах составило в 1998 г. 56 %, в 2002 г. – 33, в 2006 г. – 64,4 и в 2007 г. – 45 %. Политическая метафора является концептуализацией важных аспектов социальной жизни страны, обнаруживающей глубокие связи с архетипами этнического сознания украинского и российского народов, следовательно, анализ метафоры должен опираться на комплекс социальных факторов, влияющих на ее формирование и восприятие. Общеизвестным является положение о многослойности структуры концепта, которая включает в себя «базовые структурные элементы различной когнитивной природы – чувственный образ, информационное содержание, интерпретационное поле, и описывается как перечисление когнитивных признаков, принадлежащих каждому из этих структурных компонентов концептов» [Стернин 2006: 288]. В программном дискурсе метафора используется для актуализации предельно абстрактных концептов ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ, СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ. В содержании данных концептов в силу их референтной специфики (за ними стоят чисто абстрактные сущности) невозможно выделить некий яркий признак, привязанный к образному компоненту концепта. У данных концептов образного компонента, собственно, нет. Именно поэтому данные концепты, как, впрочем, и все иные социальные концепты, за которыми стоят абстрактные сущности, требуют «образной привязки», что и осуществляется на основе метафорического и метонимического переносов.

Советский, российский и украинский программные тексты объединяет активное использование метафорических номинаций, относящихся к концептуальным рядам *ДВИЖЕНИЕ, ПРОТИВОСТОЯНИЕ, СТРОИТЕЛЬСТВО* и *РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ*. Наличие общих сфер-источников является вполне логичным результатом исторического процесса появления новых суверенных государств на базе единого, общего для всех когнитивного и коммуникативного пространства. При внешней общности концептуального ряда мы можем, однако, отметить изменение концептуальных ракурсов, наполнение старых концептов новыми смыслами в

постсоветских странах. Хотя, по сути, моделируемые ряды едины, но благодаря новым образным построениям они претерпевают изменения.

В качестве примера рассмотрим динамический концептуальный ряд *ДВИЖЕНИЕ (РАЗВИТИЕ)*, который является самым продуктивным для всех указанных программ и относится к таким референтам, как *партия* и *страна*, тем самым моделируя образ партии в сознании избирателей и описывая состояние страны, в основном на период выборов. Он представлен следующими концептами: ПУТЬ, ДВИЖЕНИЕ ПО ПУТИ, ПОРОГ, РУБЕЖ. Однако для каждой страны эти концепты реализованы по-своему, что отражает историческую и социальную специфику текста. Так, КПСС в своей истории принимала три программы: первую – для периода борьбы за победу буржуазно-демократической и социалистической революций; вторую – для периода построения социализма; с 1961 г. и до распада СССР она руководствовалась третьей – программой строительства коммунизма. В этой программе, в частности, важно было подчеркнуть успехи, достигнутые со времен создания и принятия первой и второй программ партии.

В ней отражены коренные сдвиги, произошедшие в мировом общественном развитии: вступление Советского Союза в период коммунистического строительства, возникновение и упрочение мировой системы социализма, рост международного коммунистического рабочего и национально-освободительного движений, распад колониальной системы империализма.

Так, в тексте этой программы ДВИЖЕНИЕ представлено как ровное, динамичное и уверенное, и особо подчеркивается тот факт, что большая часть пути уже преодолена и общество близится к завершению поставленной заветной цели – коммунизму: *Пройден гигантский путь, политый кровью борцов за народное счастье, путь славных побед и временных поражений, прежде чем коммунизм, который когда-то был лишь мечтой, стал величайшей силой современности, обществом, создаваемым на огромных пространствах земного шара.*

Концепт ДОРОГА (ПУТЬ) видится разделенным на два отрезка, метафорически представляющих прошлое и будущее страны. Прошлое было трудным и темным, однако тот участок остался позади: *Октябрьская революция вывела страну на дорогу социализма. Трудным и неизведанным был путь, который предстояло пройти советскому народу.*

Учитывая длительность исторического отрезка правления, важно, что партия подчеркивает свои достижения в глобальном масштабе: ***Столбовая дорога к социализму проложена. По ней идут уже многие народы. По ней рано или поздно пойдут все народы.***

Третий, весьма частотный концепт – это ФЛАГМАН ДВИЖЕНИЯ. Партия – главный рулевой, ведущий страну вперед, а СССР, в свою очередь, страна, задающая вектор и скорость движения всему мировому сообществу: *Как передовой отряд народа, строящего коммунистическое общество, партия должна идти впереди и в организации своей внутривнутрипартийной жизни, показывая пример и образец выработки наиболее совершенных форм коммунистического общественного самоуправления.*

Что касается концептуального ряда ДВИЖЕНИЕ в программах украинских политических партий, тут не столько важна сама общая метафора дороги, сколько подчеркивание важности именно данного, судьбоносного отрезка, представленного предвыборным периодом: *Україна має нелегку історичну долю. Сьогодні вона стоїть на порозі визначального для її майбутнього рубежу, з якого ми – або подолаємо занепад, розгубленість і відчай власними мудрими, відповідальними й рішучими діями, або скотимося до масштабних соціальних деструкцій, до втрати державної незалежності й зостанемося на узбіччі історичного розвитку цивілізації.* ‘У Украины нелегкая историческая судьба. Сегодня она стоит на пороге рубежа, который определяет ее будущее, после него мы – либо преодолеем упадок, растерянность и отчаяние с помощью собственных мудрых, ответственных и решительных действий, либо скатимся до масштабных социальных деструкций, до потери государственной независимости и останемся на обочине исторического развития цивилизации’.

В описанных нами случаях движение по пути отличается некой последовательностью, поступательностью, постепенностью. Однако это не всегда так. Одна из ведущих партий – Блок Юлии Тимошенко, набравшая на выборах 2007 г. 31 % голосов избирателей, – употребляет в качестве ключевого слогана партии метафору, предполагающую резкие, динамичные, кардинальные изменения, – **УКРАЇНСЬКИЙ ПРОРИВ**: *...Ця місія України не може бути виконана еволюційно. Потрібен інтелектуально усвідомлений якісний ривок – УКРАЇНСЬКИЙ ПРОРИВ.* ‘...Эта миссия Украины не может быть выполнена эволюционно. Нужен интеллектуально осознанный качественный рывок – УКРАИНСКИЙ ПРОРЫВ’.

Далее вся программа партии строится на этом образе, предлагая совершить конституционный, судебнo-правовой, информационный, антикоррупционный, демографический и прочие «прорывы». Однако этот образ отсутствует в программе КПСС, так как у нее не было необходимости совершать резкий рывок или менять направление движения, достаточно плавно и уверенно идти выбранным курсом. В свою очередь, Украина – страна, в которой происходят активные социально-политические процессы и практически отсутствует преемственность власти.

В программах российских политических партий, представленных в указанный период выборов, с помощью концептуального ряда *ДВИЖЕНИЕ* реализуются две основные тенденции. Первое, что можно отметить, – это сходный с украинским курс на обновление, желание сделать резкий рывок, поменять курс, перейти на новый, европейский курс развития: *Сегодня Россия располагает всеми возможностями для реализации своего конкурентного преимущества – уникального сочетания интеллектуального потенциала и природно-ресурсной базы. Она обладает всеми возможностями для нового рывка вперед.*

Однако особенности построения концептосферы напрямую зависят от политической ориентации партии. Приведенные выше примеры были взяты из программ правоцентристской партии Единая Россия и социал-демократической центристской Партии социальной справедливости. В то же время левая партия КПРФ демонстрирует преемственность КПСС, что воплощается в похожих на вышеописанные метафорах флагмана, основной ведущей силы, первопроходца: *Коммунистическая партия стремилась быть авангардом рабочего класса и всего советского народа, включала в себя наиболее активных и подготовленных граждан, обладала преданными делу социализма кадрами, имела высокий авторитет в мировом революционном движении.*

Важным диверсификационным фактором является введение в постсоветских программах новых сфер метафоризации *ТЕХНИКА, ИГРА И СПОРТ, ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА, БОЛЕЗНЬ, ГРЯЗЬ*, отсутствовавших в советских программах в принципе. Здесь стоит отметить разницу в исторической динамике развития этих моделей. Весьма заметен прогресс игровой, морбиальной и технократической метафор. Возрастает частотность их употребления. Однако в каждой из стран – в России и на Украине – наполнение единого концепта смыслами может

различаться и изменяться, наполняться новыми, более значимыми социокультурными смыслами, соответствующими эпохе и национально-культурным устремлениям.

В заключении диссертации подводятся итоги проведенных наблюдений по каждой заявленной во введении задаче, а также намечаются пути и перспективы дальнейших исследований. В ходе исследования нами было доказано, что изменение социального строя, политическое размежевание общества в условиях идеологического плюрализма и многопартийности, возникшее в 90-х гг. XX века на постсоветском пространстве, не только способствовало возникновению новых жанров политдискурса, большинство из которых связаны с новым коммуникативным феноменом – парламентскими и президентскими выборами, но также спровоцировали изменения даже наиболее устойчивых, жестких жанровых форм. В ходе анализа было выдвинуто и доказано положение о том, что в условиях изменения идеологического строя происходит модификация основных функций программного документа, а также изменение его прототипической структуры.

Ретроспективный анализ позволил установить зависимость активности диверсификационных языковых процессов от динамики политической ситуации. В ходе описания эволюции программного документа нами была отмечена его локальная и темпоральная специфика. В целом было установлено, что активность диверсификационных процессов прямо пропорциональна интенсивности изменения политической ситуации: чем активнее социальные изменения в государстве и чем шире проявляется политический плюрализм, тем активнее диверсификационные процессы в программном документе с точки зрения его жанрово-тематической, концептуальной, структурной и функционально-стилистической организации.

Проведенное исследование вносит определенный вклад в общую теорию социолингвистики, предлагая научное описание процесса диверсификации под углом зрения его социальной обусловленности; в разработку проблем языкового воздействия в целом и в политкоммуникации в частности. Предложенная логика и методика анализа данного типа текста может быть применима и к другим типам текста. Наиболее перспективными с точки зрения диверсификации, на наш взгляд, являются исследования других канонических регулятивных текстов политдискурса – кодексов, указов, конституций, а также различных текстов ритуального дискурса, функционирующих в переломные моменты истории в различных странах.

Основные положения диссертации отражены в следующих работах:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК

1. Интертекстуальность в политическом дискурсе Украины (на материале программ политических партий) // Вопросы филологии. – 2010. – № 1 (34). – С. 114–120.
2. Социолингвистический анализ динамики функционирования метафорических моделей в советском и постсоветском политическом дискурсе (на материале предвыборных программ политических партий) // Вестник Орловского государственного университета. Серия: гуманитарные и социальные науки. – Орел, 2011. – № 1 (39). – С. 164–170.
3. Структурно-семантическая организация предвыборного программного документа политических партий Украины (в период 1998–2007 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Н. Новгород, 2011. – № 5. – Ч. 1. – С. 318–323.

Публикации в других изданиях

4. Реализация основных коммуникативных стратегий в предвыборном партийном дискурсе современной Украины // Язык, культура, общество: Тез. докл. V Международ. науч. конф. (Москва, 24–27 сентября 2009 г.). – М.: МИИЯ, 2009. – С. 192–193.
5. Реализация основных коммуникативных стратегий в предвыборном партийном дискурсе современной Украины // Культура народов Причерноморья: научный журнал / [Под ред. Ю.А. Катунина]. – Симферополь: Изд-во межвуз. центра «Крым», 2009. – № 168. – Т. I. – С. 211–213.
6. Новейшие исследования украинского политического дискурса // Scripta Manent: сб. науч. работ студентов и аспирантов-филологов / [Под ред. Э.М. Береговской, М.П. Тихоновой]. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2010. – Вып. XVI. – С. 21–31.
7. Дихотомия образов НАСТОЯЩЕЕ – БУДУЩЕЕ в программах политических партий Украины // Молодой ученый: Научный журнал / [Под ред. Г.Д. Ахметовой]. – Чита: Изд-во «Молодой ученый», 2010. – № 11 (22). – Т. I. – С. 212–218.
8. Лексические средства моделирования образов НАСТОЯЩЕГО и БУДУЩЕГО в программах политических партий России и Украины (на материале предвыборных кампаний 2007 года) // Язык и общество в современной России и других странах: сб. тр. по материалам Международ. науч. конф. (Москва, 21–24 июня 2010 г.): Доклады и сообщения / [Отв. ред. В.А. Виноградов, В.Ю. Михальченко]; Ин-т языкознания РАН, Научно-исследовательский центр по национально-языковым отношениям. – М.: Тезаурус, 2010. – С. 236–240.

9. Метафора в создании образа настоящего и будущего в программах политических партий России и Украины // Язык и культура. К юбилею профессора Э.Ф. Володарской / [Под ред. чл.-корр. РАН Ю.Л. Воротникова]. – М.: МИИЯ, 2010. – С. 236–239.
10. Метафора как элемент текста программного документа в политическом дискурсе Украины // Функциональная лингвистика: сб. науч. работ / Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования; [науч. ред. А.Н. Рудяков]. – Т. 1. – Симферополь, 2010. – С. 176–179.
11. Общественно-политическая ситуация на Украине как фактор диверсификации политического дискурса // Функциональная лингвистика: сб. науч. работ / Крымский республиканский институт последипломного педагогического образования; [науч. ред. А.Н. Рудяков]. – № 2. – Т. 1. – Симферополь, 2011. – С. 153–156.